

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/96/9

Дискуссия о природе земского самоуправления в русской консервативной мысли второй половины XIX – начала XX в.

Мария Александровна Саевская

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Россия, masha-saevskaya@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные концепции земского самоуправления в Российской империи, сложившиеся в рамках консервативной социально-политической мысли. Выделяется два основных взгляда на природу местного самоуправления: славянофильский и охранительно-государственный.

Ключевые слова: земство, местное самоуправление, славянофилы, государственники

Для цитирования: Саевская М.А. Дискуссия о природе земского самоуправления в русской консервативной мысли второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 68–74. doi: 10.17223/19988613/96/9

Original article

The discussion on the nature of Zemstvo self-government in Russian conservative theories in the second half of the 19th and early 20th centuries

Maria A. Saevskaya

*Moscow Financial and Industrial University Synergy,
Moscow, Russian Federation, masha-saevskaya@yandex.ru*

Abstract. The purpose of this study is to consider the basic concepts of zemstvo self-government in the Russian Empire, which have developed within the framework of conservative socio-political thought. The sources for the research were the works of Russian conservative thinkers, scientific and journalistic articles, government documents, memoirs, diaries and letters. The question of the origin of the zemstvo and the nature of local self-government was directly related to the path that the new Russian zemstvo was to take, established by the "Regulations on Provincial and County Zemstvo Institutions" on January 1, 1864. In this sense, it was not only an ideological question, but also a practical one. Most Slavophiles (K.S. Aksakov, I.D. Belyaev, S.F. Sharapov, V.N. Leshkov, etc.) focused on protecting local life from excessive state interference rather than on limiting local self-government to economic needs. Their opponents, on the contrary, believed that the zemstvo self-government should be placed under stricter government control. In the view of the Slavophiles, a free, self-governing community that had existed in the Russian lands from time immemorial was supposed to be the prototype of the revival of zemstvo self-government in Russia. The Slavophiles called on the authorities to give the right to develop freely to local self-government, which in turn should refer to its historical origins - conciliarity, the ability to self-organize and at the same time loyalty to the autocracy. The self-governing zemstvo community and the autocratic power, according to the Slavophiles, could exist in a sense apart from each other, but at the same time, have common goals and objectives. According to the opinion of the "state guardians" (A.D. Pazukhin, M.N. Katkov, K.N. Leontiev, etc.) the concept of zemstvo self-government, independent from the state, has put a threat of creating a "state within the state", especially in the context of growing contradictions between the government and society. In the view of the guardians, the people's communities did not exist and could not exist separately from the state, but were its elements and as a whole part of the state organism. In their opinion, the zemstvo self-government should have been a part of the general state administration, integrated into the system of state institutions and solving local tasks, the circle of which should be outlined by the central government. The author comes to the conclusion that the historically grounded and deeply thought-out concept of the Slavophiles collided with the political reality of its time, in which it was not possible to fully embody the zemstvo ideals.

Keywords: zemstvo, local self-government, Slavophiles, statesmen

For citation: Saevskaya, M.A. (2025) The discussion on the nature of Zemstvo self-government in Russian conservative theories in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 68–74. doi: 10.17223/19988613/96/9

В российской политической дискуссии вопрос о происхождении земства и природе местного самоуправления вообще был непосредственно связан с тем путем, по которому должно было пойти новое российское земство, учрежденное «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г. В этом смысле это был вопрос не только идейный, но и практический. И здесь следует отметить, что и накануне введения «Положения», и после существовало несколько как либеральных, так и консервативных концепций земского самоуправления. Классические западные теории, общественная и государственная, перенятые отечественными, в большинстве своем либеральными, учеными, несколько иначе отражались в мысли консервативной.

Общественная теория изначально предполагает отсутствие соподчинения органов местного самоуправления, их отдельное от администрации существование, но при этом нахождение в строгих рамках определенной для них компетенции, касающейся местных вопросов. Государственная же теория встраивает местную власть в систему общего управления, соответственно, дает самоуправлению место в правительственной иерархии и предоставляет ему больше прав [1. С. 68]. Однако консервативные мыслители обе эти концепции видели несколько иначе. На общественную теорию больше всего похоже учение славянофилов, однако большинство из них делало акцент не на ограничении местного самоуправления хозяйственными нуждами, а на ограничении его от государственного вмешательства. Их оппоненты, напротив, считали, что земское самоуправление должно быть поставлено под более жесткий правительственный контроль. Таким образом, либеральные теории в русской консервативной мысли как бы «переворачивались», и большую свободу земство приобретало, не участвуя во власти прямо (эта идея была в целом консерваторам несвойственна), а как раз наоборот, отделившись от власти, но оставив за собой право собственно местного самоуправления. Эту концепцию мыслители-славянофилы связывали с такими ключевыми для русской истории понятиями, как «власть» и «земля».

Представления о «земле» и «власти» как о двух, по сути своей, самобытных началах русской политической жизни, наверное, ранее всего появляются в работах А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, В.Н. Лешкова, И.Д. Беляева, Ю.Ф. Самарина.

Надо сказать, что славянофилы были не только философами и не просто авторами уникальной социально-политической концепции, но и историками, глубоко изучавшими отечественное прошлое. Свободная, самоуправляющаяся община, искони существовавшая в русских землях, стала для них прообразом возрождения земского самоуправления в России. Власть должна была дать право свободно развиваться местной жизни, которая, в свою очередь, призвана была обратиться к своим истокам – соборности, общинности, способности к самоорганизации и при этом верности самодержавию. Потом время внесет коррективы в этот немного идеализированный образ земства, но изначально именно земские учреждения были для славянофилов

основой для развития России на исконно русских или даже, скорее, православно-славянских началах.

Развитие общинности в русском народе, по мнению В.Н. Лешкова, превратило русское этнографическое единство в земское. Именно древняя земская община – вервь – имела право управлять «всеми лицами, принадлежащими к месту поселения» [2. С. 134]. Община подчинила себе все вопросы, связанные с поземельным владением, а также «*первое управление по земскому устройству*» [2. С. 165]. Земская община «сообщала членам права, зато налагала на них обязанности и делала их своими гражданами» [2. С. 167]. В концепции Лешкова земская община на ранних этапах развития Руси заменяла собой государство. Земство же стало «основой и почвою для Русского государства» [2. С. 172]. Собственно, и первые князья появились благодаря тому, что их пригласила земская община, страдавшая от внутреннего «размирья» и внешней угрозы, которая решилась «во имя общего чувства пригласить в Русь князей-варягов» [2. С. 174]. К.С. Аксаков писал о начале русской государственности: «Земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, решается призвать на защиту Государство» [3. С. 300].

По мнению другого славянофила А.С. Хомякова, русская власть была даже изначально чужда русской «земле», так как была пришлой и инокультурной. А.С. Хомяков писал: «Князья пришли из области скандинавской (какой бы сами крови они ни были) с дружиною чуждою и немалочисленною... Как бы ни была эта дружина близка по своему происхождению и обычаям к славянам, как бы ни пополнялась она впоследствии местными стихиями, она была по своему коренному значению и положению в обществе чужда Земле и основана на иных началах, чем туземные общины, к которым она не принадлежала, хотя и охраняла их мир внутренний и внешний» [4. С. 381]. Итак, земля, община, народ остаются жить в своей самобытности, не смешиваются со своими наемными властителями [4. С. 388].

Собственно, ту же мысль развивал и К.С. Аксаков, который писал: «Славяне не образуют из себя Государство, они призывают его; они не из себя избирают Князя, а ищут его за морем; таким образом, они не смешивают Земли с Государством, прибегая к последнему как к необходимости для сохранения первой» [3. С. 300–301].

Наиболее подробное и научное обоснование славянофильской теории содержится в работе И.Д. Беляева, написанной по поручению другого известного славянофильского мыслителя Ю.Ф. Самарина. И.Д. Беляев писал: «Новгородский мир, приглашая Варяжских князей, естественно желал сохранить неприкосновенными все свои старые порядки». Беляев особо подчеркивает тот факт, что приглашенным князьям даже не разрешали жить в самом городе, в Новгороде, так как там было «гнездо славянства и главного народного веча, выражавшего верховную власть народа». Князья с их дружинниками жили в пригороде [5. С. 16]. По мнению И.Д. Беляева, скандинавские князья не слились со славянскими племенами, не «ославянились», в то время как славянские племена не приняли «образ жизни и общественный строй Скандинавов» и не отка-

зались «от всей своей прежней жизни». И несмотря на то, что «в княжую дружину стала уже поступать вольница и из Славян и разных финских племен», дружина несколько не сблизилась с земщиной [5. С. 39].

В славянофильских текстах «туземная» славянская общинная земская жизнь противопоставляется жизни русских князей и дружинников, т.е. началу государственному. По мнению А.С. Хомякова, земская община, «покоясь на старине и предании», жила традицией, гармонией и внутренним единством, в то время как государственное начало, не имея в себе органического единства и жизни, искало внешние формы во всяких иноземных веяниях [4. С. 388].

Долгое время земские и государственные структуры существовали почти параллельно. По утверждению Беляева, в земские выборы не вмешивались «ни князь, ни его служители и не имели права вмешиваться; это было дело чисто одной земщины, и притом дело, искони ей принадлежавшее, вытекшее из самой жизни Русского общества, а не дарованное князем» [5. С. 55]. И.Д. Беляев отмечает, что «выбору подлежали лучшие люди общества, излюбленные избирателями, а право избрания принадлежало всем действительным членам общества, домохозяевам». Выборному от земств князь не мог отказать в должности, «обида» земских выборных властей в сильной земщине «никогда не сходила даром ни князю, ни его слугам», в целом же «земщина во всех городах Руси твердо стояла за свои права» [5. С. 56].

И все-таки, по общему мнению славянофилов, конфликты не сделались основой русской государственности. К.С. Аксаков писал: «Все Европейские государства основаны завоеванием. Вражда есть начало их. Власть явилась там неприязненною и вооруженною и *насилъственно* утвердилась у покоренных народов... Русское Государство, напротив, было основано не завоеванием, а *добровольным призыванием* власти. Поэтому не вражда, а мир и согласие есть его начало» [3. С. 305]. По мнению К.С. Аксакова, в России не было ни западной демократии, ни западной аристократии [3. С. 310]. Мыслитель подчеркивал именно русский союз «земли» и «власти», а не противостояние, «как это было у других народов» [3. С. 301].

По мнению другого славянофила И.В. Киреевского, начала древней Руси также были отличны от оснований государственности европейской, так как «там государственность из насилий завоевания», а в России – «из естественного развития народного быта» [6. С. 220]. В.Н. Лешков писал: «Русский народ не знал такой внутренней борьбы, которая составляла бы задачу его истории; русский народ мирно и сам собою вырабатывал свое народное единство» [2. С. 132–133].

Противопоставление и единство «земли» (земщины, земского самоуправления) и «власти» (дружины, князя, государства) стало в основе славянофильской концепции происхождения русской государственности. По утверждению И.Д. Беляева, разделение самоуправляющейся «земщины» и княжеской власти остается и после татарского нашествия [5. С. 58].

Земское и государственное начала проходят через всю русскую историю. К.С. Аксаков писал: «Но как скоро община призвала государство, не уничтожая

себя и не переходя в государство, – так в основу русской исторической жизни должны были лечь два начала; они и легли; мы видим их сквозь всю историю русскую; община имеет даже свое собственное постоянное наименование: земля. И сквозь все проходят земля и государство, всюду являются как действующие силы (долго дружественно) в русской истории... Государство с землей в союзе любви. Нигде государство с землей не смешивается...» [3. С. 338].

Возвышение Москвы также не привело к резкой перемене отношений земли и власти, так как изменения совершались не насилием, а «естественным требованием жизни». Да и само «единодержавие устроилось в северо-восточной Руси главным образом волею земщин разных княжеств, находивших для себя лучшим жить под властью Московского князя, нежели иметь своих князей» [5. С. 69].

Особое значение приобретает земщина со времен правления Ивана IV. А.С. Хомяков подчеркивает порядок введения выборных должностей в Московском государстве, отмечая, что именно при первом русском царе вводится «земская исправа». Хомяков пишет про Ивана IV и реформы первых лет его царствования: «Государю полюбилися голос народа, и новые уставные грамоты дали всем городам и волостям право избирать старост, целовальников или присяжных для суда по делам гражданским и уголовным вместе с царскими наместниками. В то же время земская исправа была поручена сотским и пятидесятникам, избранным также вольным выбором сельской общины. Так был восстановлен древний Русский обычай, в то время измененный почти везде, за исключением Пскова и широкой области Новгородской» [4. С. 226]. Таким образом, А.С. Хомяков показывает связь вечевых традиций Новгорода и Пскова с новой московской системой выборных должностей.

Первым серьезным ударом по земскому самоуправлению стало издание Соборного Уложения 1648 г., в котором ни одна статья не обеспечивала юридически значение земщины в государственных делах. В вопросах же судебных выборные от общества старосты и целовальники со своим земским дьяком больше не присутствовали, в то время как суд был «предоставлен решительно одним воеводам и приказным людям» [5. С. 99]. По мнению И.Д. Беляева, «с изданием Соборного Уложения отменено не только юридическое значение всей земщины целой России, но и значение местных земщин» [5. С. 98]. Главной причиной падения земщины при царе Алексее Михайловиче Беляев считал отделение интересов дворянства от интересов остальной земщины, т.е. остальных сословий. Бояре, боровшиеся за свои земские права при Иване IV и объединившиеся с остальной земщиной в годы смуты, нашли «более выгодным и удобным окончательно обратиться в служилых людей нового государя и повелевать земщиною от царского имени» [5. С. 106].

При Петре I «выборное право осталось только за дворянами и купцами, а не за всеми классами земщины, следовательно, в земщину внесено гибельное начало разделения на классы с правами и классы без прав» [5. С. 113]. Кроме того, выборные ландраты,

ландрихтеры и бурмистры, хотя и были выбираемыми из земщины, в сущности, были чиновниками правительства и отвечали перед ним, а не перед своим обществом [5. С. 116]. После правления Петра I «тянулась та же история реформ, все более и более уничтожавшая значение земщины» [5. С. 109]. Попытки возродить земщину при Екатерине II привели только к началам возрождения выборности, но новая земщина опять же была разбита на сословия с противоречащими друг другу интересами и потому была лишена законных органов, при посредстве которых сословия могли бы соединяться и сноситься друг с другом. Реформы Екатерины «только на время поуспокоили общество, предоставляя ему некоторую свободу и небольшую долю местного самоуправления» [5. С. 127].

Некоторые попытки объединить сословия в земщину предпринимались и после правления Екатерины II, однако принципиальным стало лишь положение 19 февраля 1861 г., освобождавшее крестьян из-под власти помещиков. Кроме того, по мнению И.Д. Беляева, уже «в самом положении 19 февраля 1861 года выступили на первый план общинное и выборное начало», так как крестьяне «составляли по делам хозяйственным сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединялись в волости». Наконец, положением 1 января 1864 г. о земских учреждениях земству было дано «довольно простора к сближению сословий друг с другом в общей деятельности» и восстанавливалось «значение забытой у прежних правительств земщины» [5. С. 135].

История земского самоуправления, обрисованная славянофилами, неизбежно вела к выводу о том, что новые земские органы должны быть также отделены от государственных учреждений. С.Ф. Шарапов писал: «Вопрос ставится так: есть ли земство орган государства, точнее, входит ли оно в систему собственно государственной жизни или представляет нечто, от государства отличное, свою собственную систему, с государством не совпадающую, нечто, живущее самостоятельно жизнью?»

Иными словами: быть или не быть самоуправлению, ибо всякое смешение функций самоуправления, дела земского, с «делом Государевым», по нашему глубокому убеждению, являет лишь лжесамонаправление, точно так, как всякое оформленное и узаконенное (вне мнения и ходатайства) вмешательство земщины в «дело Государево» явило бы лишь лжесамодержавие» [7. С. 38–39].

Как было замечено выше, славянофилы были своеобразными представителями так называемой общественной теории самоуправления. По мнению ряда исследователей, именно под влиянием теоретических, да и практических разработок славянофилов было разработано основное «Положение о губернских уездных и земских учреждениях» 1864 г. Согласно этому документу, «земские учреждения признавались установлениями не государственными, а общественными, преследующими свои особые, *местные* общественно-хозяйственные цели» [8. С. 152].

Значение разработок славянофилов для земской реформы подчеркивает Е.С. Баразгова. Она замечает, что «земская идеология по большей мере базировалась

на принципах славянофильской интерпретации ценности и назначения местного самоуправления» [9. С. 88]. Исследователь справедливо отмечает, что славянофилы, с одной стороны, «являлись верными сторонниками сохранения монархического управления в России», а с другой – «уверенно отстаивали позиции земств» [9. С. 89].

С другой стороны, по мнению современного ученого В.В. Куликова, основной причиной определенной «изоляции» новых учреждений местного самоуправления от системы государственного управления стало «столкновение различных социальных и политических интересов при разработке и проведении в жизнь земской реформы» [10. С. 62]. Противников же самодержавия такое положение устраивало, в том числе и потому, что оно «давало возможность молодым общественным силам сплотиться на поле хозяйственно-культурной работы» [10. С. 62].

В действительности у истоков земской реформы 1864 г. и дальнейших проектов по преобразованию земских учреждений стояло противоборство различных теорий и концепций.

В то время как славянофилы придерживались общественной теории, многие западники настаивали на аргументации государственников, по мнению которых, «именно государство способствовало преодолению сословной и местной раздробленности и формированию в национальном сознании идеи ценности единства и целостности общества в решении проблем страны и каждого ее гражданина» [9. С. 88]. Так, например, по мнению известного западника А.Д. Градовского, «мысль обосновать систему самоуправления при помощи идеи “местности”, имеющей свои интересы, отличные от интересов государственных, является весьма привлекательною, но едва ли приложимою к практическому решению вопросов» [11. С. 360]. Невозможным, по мнению Градовского, разграничение местных и государственных интересов было не только потому, что трудно определить компетенцию исключительно местных органов, но и потому, что в действительности государственная власть распространяется на всю территорию страны. Кроме того, такие вопросы местного значения, как народное образование, здравоохранение, обеспечение народа продовольствием и безопасностью, являлись в той же мере интересами и общегосударственными [11. С. 360].

Государственная теория местного самоуправления не была либеральной или консервативной, а точнее, ее разработки велись в обоих направлениях. Если либералы считали, что включение земств в систему государственной власти должно было «поднять» земства до уровня государственного представительства, то консерваторы-охранители стремились к тому, чтобы встроить земское самоуправление в систему общей государственной администрации.

А. Матюхин пишет: «Славянофильская традиция проблематики общественной самоорганизации, самоуправления и народного представительства существенно отличалась от подходов “государственников” – представителей крайне правого крыла в русском консерватизме – М.Н. Каткова, К.Н. Леонтьева, К.П. По-

бедоносцева и др. <...> Согласно политической линии “государственников”, общество и его составляющие являются изначально не самостоятельными социальными единицами, а элементами государства в целом и государственного управления» [12].

Идеи «государственников» вошли в проект земской реформы, в котором было указано: «Единство государственного управления, сила и целостность государственной власти не могут уступать потребностям местного интереса, как бы важны и законны они ни были. Земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти и от нее получает свои права и полномочия» [13. С. 356].

В статье, написанной видным государственным деятелем того времени П.А. Валуевым или по его заказу в 1863 г., также было указано, что, «создавая земские учреждения, правительство не может создавать *status in statu* (государство в государстве), не может поставить эти учреждения вне государства, не может изъять их из тех условий, которым подчиняется вся государственная территория, и от того общего направления, которое устанавливается потребностями всего государства» [14. С. 22]. Рассуждая о том, какие дела могли бы входить исключительно в компетенцию местных учреждений, Валуев утверждает, что таких дел нет и быть не может. Даже государственные дороги, по его мнению, имеют общегосударственное значение, и потому нельзя лишать центральную власть права «принудительных распоряжений к необходимому управлению их» [14. С. 24].

Косвенно в полемику со славянофилами вступил в 1881 г. и известный консервативный публицист М.Н. Катков. Признавая, что «в давние, очень давние времена, когда Россия как государство была почти вся впереди, города призывали к себе князей-дружинников, главным образом для внешней обороны, продолжая управляться своими властями по заведенному порядку», Катков утверждал, что «между теми временами и нынешней Россией легла многовековая история». И после того как отдельные племена и населения слились в один народ, «Русская земля есть русское государство, а русское государство есть Русская земля» [15. С. 57]. Из этого тезиса, по логике публициста, следует нивелирование самостоятельности таких явлений, важнейших для славянофилов, как «земля» и «государство». Всякая действующая власть среди народа, по мнению Каткова, должна «восходить к одной Верховной власти, к одному государственному началу, ему подчиняться и от него иметь силу» [15. С. 60].

Следовательно, «необходимо так организовать местные управления, чтобы они были продолжением государства». М.Н. Катков писал: «Требуется, чтобы государство – от центра до мельчайших местных обществ, городских и сельских – составляло один организм, в котором не должно быть и тени разновластия или антагонизма государства с землей, как у нас выражаются, чтобы они не были двумя лагерями, чтобы между ними в принципе не могло возникать никаких счетов или спора о правах и интересах. Необходимо, чтобы местное управление, даже самое мелкое, было

живой частью государства, проводником его идеи, исполнителем его задач» [15. С. 60].

Выступил критиком славянофильской концепции земского самоуправления и К. Леонтьев, бывший цензором брошюры И.С. Аксакова «Взгляд назад». В своем отзыве на брошюру Леонтьев отмечал, что, несмотря на критику конституционных проектов славянофилами, государство в их теории представляет собой «некий чрезвычайно оригинальный союз земских, в высшей степени демократических, республик с государем во главе; государем, положим, самодержавным в принципе, но лишенным почти всяких органов для исполнения его царской воли» [16. С. 102]. Не без влияния Леонтьева аксаковская брошюра была запрещена.

1980-е годы в целом стали временем определенного ограничения земской самостоятельности, чему немало способствовало нараставшее противостояние власти и земства. В докладе министра внутренних дел Д.А. Толстого Александру III, в частности, отмечалось, что «земские и городские учреждения должны быть введены в общий строй государственных установлений», а «лежащие в основе сих учреждений начала общественного самоуправления должны быть заменены началом государственного управления через посредство и при содействии представителей местного населения» [17. С. 137–138]. Однако ни усиление роли дворянства, ни введение административного надзора над земствами, очевидно, не могли привести к идеальным отношениям «земли» и «власти».

Радикальную антиземскую позицию занял В.А. Гринмут, новый редактор консервативных «Московских ведомостей». Он писал: «Можно сколько угодно усиливать, например, власть губернаторов, действующих от имени Государя Императора; но если эта *власть* обречена на постоянные столкновения с далеко не фиктивной демократической *властью* наших земств, действующих от имени “общества” и публично шельмующих неугодных им губернаторов, то при этих условиях о плодотворной, гармонической деятельности местной администрации не может быть и речи. Двух властей в России быть не может: в ней неограниченно должна господствовать лишь одна власть, власть Самодержавного Государя» [18. С. 182].

Подводя итоги, следует отметить, что в русской консервативной, преимущественно славянофильской, мысли, была разработана теория земского самоуправления как исторически сложившегося в условиях русского самодержавия права народа на свободную общинную жизнь и собственные выборные органы. Во многом именно эта концепция была положена в основу земской реформы 1864 г. С другой стороны, идеи изначальной взаимной обособленности и добровольного единения «земли» и «власти» вызвали неприятие консерваторов-охранителей, которые считали, что такое понимание местного самоуправления может повредить политическому единству и государственной целостности Российской империи. Исторически обоснованная и глубоко продуманная концепция славянофилов столкнулась с политической реальностью своего времени, в которой невозможно было в полной мере воплотить земские идеалы.

Список источников

1. Ярцев А.А. Западные теории государственного и общественного самоуправления и опыт их практической реализации в дореволюционной отечественной мысли // Место западных идей в российском общественном и правовом сознании : сб. науч. ст. Калининград : Балт. фед. ун-т им. И. Канта, 2016. С. 68–79.
2. Лешков В.Н. Русский народ и государство. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. 688 с.
3. Аксаков К.С. Государство и народ. М. : Ин-т русской цивилизации, 2009. 608 с.
4. Хомяков А.С. Всемирная задача России. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 784 с.
5. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М. : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1905. 135 с.
6. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М. : Ин-т русской цивилизации, 2007. 448 с.
7. Шарапов С.Ф. Россия будущего. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. 720 с.
8. Абрамов В.Ф. Теория местного самоуправления на отечественной почве // Полис. 1998. № 4. С. 152–155.
9. Баразгова Е.С. К истории местного самоуправления в России: эволюция отечественных теорий // Вопросы управления. 2017. Вып. 48. С. 85–93.
10. Куликов В.В. Становление и развитие земского самоуправления, вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 461 с.
11. Корнаухова Н.В. Государственная теория местного самоуправления А.Д. Градовского // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 8. С. 357–361.
12. Матюхин А. Традиция «государственников» в русском консерватизме // Обозреватель – Observer. 2005. № 9 (188). URL: <https://www.militaryarticle.vibrotok.by/obozrevatel/2005-obozrevatel/13625-tradiciya-gosudarstvennikov-v-russkom> (дата обращения: 16.09.2019).
13. Материалы по земскому общественному устройству : положение о земских учреждениях : в 2 т. СПб. : Изд. Хоз. деп. М-ва внутр. дел, 1886. Т. 2. 576 с.
14. Верещагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты) М. : Междунар. отношения, 2002. 192 с.
15. Катков М.Н. Истинные задачи комиссии для пересмотра учреждений губернского и уездного управления. Самоуправление в Англии и России // Земская идея в истории социально-политической мысли России : антология : в 2 т. / под ред. А.Ю. ШUTOVA. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. Т. 2: Земская идея: от проектов к первым результатам (1864–1890). С. 53–60.
16. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М. : СигналЪ, 1999. 172 с.
17. Боровая М.А. А.Д. Пазухин. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 177 с.
18. Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 544 с.

References

1. Yartsev, A.A. (2016) Zapadnye teorii gosudarstvennogo i obshchestvennogo samoupravleniya i opyt ikh prakticheskoy realizatsii v dorevolutsionnoy otechestvennoy mysli [Western Theories of State and Public Self-Government and the Experience of Their Practical Implementation in Pre-Revolutionary Russian Thought]. In: *Mesto zapadnykh idey v rossiyskom obshchestvennom i pravovom soznanii* [The Place of Western Ideas in Russian Social and Legal Consciousness]. Kalinigrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 68–79.
2. Leshkov, V.N. (2010) *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
3. Aksakov, K.S. (2009) *Gosudarstvo i narod* [State and People]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
4. Khomyakov, A.S. (2008) *Vsemirnaya zadacha Rossii* [The World Task of Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
5. Belyaev, I.D. (1905) *Sud'by zemshchiny i vybornogo nachala na Rusi* [The Fate of the Zemshchina and the Elective Principle in Rus']. Moscow: Tip. O-va rasprostraneniya poleznykh knig.
6. Kireevskiy, I.V. (2007) *Dukhovnye osnovy russkoy zhizni* [The Spiritual Foundations of Russian Life]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
7. Sharapov, S.F. (2011) *Rossiya budushchego* [Russia of the Future]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
8. Abramov, V.F. (1998) *Teoriya mestnogo samoupravleniya na otechestvennoy pochve* [The Theory of Local Self-Government on Russian Soil]. *Polis*. 4. pp. 152–155.
9. Barazgova, E.S. (2017) *K istorii mestnogo samoupravleniya v Rossii: evolyutsiya otechestvennykh teoriy* [On the History of Local Self-Government in Russia: The Evolution of National Theories]. *Voprosy upravleniya*. 48. pp. 85–93.
10. Kulikov, V.V. (2003) *Stanovlenie i razvitie zemskogo samoupravleniya, vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Formation and Development of Zemstvo Self-Government, Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Law Dr. Diss. Moscow.
11. Kornaukhova, N.V. (2009) *Gosudarstvennaya teoriya mestnogo samoupravleniya A.D. Gradovskogo* [The State Theory of Local Self-Government by A.D. Gradovsky]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 8. pp. 357–361.
12. Matyukhin, A. (2005) *Traditsiya "gosudarstvennikov" v russkom konservatizme* [The Tradition of the "Statists" in Russian Conservatism]. *Obozrevatel' – Observer*. 9(188). [Online] Available from: <https://www.militaryarticle.vibrotok.by/obozrevatel/2005-obozrevatel/13625-tradiciya-gosudarstvennikov-v-russkom> (Accessed: 16th September 2019).
13. Russian Empire. (1886) *Materialy po zemskomu obshchestvennomu ustroystvu: polozhenie o zemskikh uchrezhdeniyakh* [Materials on Zemstvo Public Structure: Regulations on Zemstvo Institutions]. Vol. 2. St. Petersburg: Economic Department of the Ministry of Internal Affairs.
14. Vereshchagin, A.N. (2002) *Zemskiy vopros v Rossii (politiko-pravovye aspekty)* [The Zemstvo Question in Russia (Political and Legal Aspects)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
15. Katkov, M.N. (2014) *Istinnye zadachi komissii dlya peresmotra uchrezhdeniy gubernskogo i uездного upravleniya. Samoupravlenie v Anglii i Rossii* [The True Tasks of the Commission for the Revision of Provincial and Uyezd Administration Institutions. Self-Government in England and Russia]. In: Shutov, A.Yu. (ed.) *Zemskaya ideya v istorii sotsial'no-politicheskoy mysli Rossii* [The Zemstvo Idea in the History of Russian Socio-Political Thought]. Vol. 2. Moscow: Moscow University. pp. 53–60.
16. Repnikov, A.V. (1999) *Konservativnaya kontseptsiya rossiyskoy gosudarstvennosti* [The Conservative Conception of Russian Statehood]. Moscow: Signal.
17. Borovaya, M.A. (2004) *A.D. Pazukhin. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost'* [A.D. Pazukhin. Socio-Political Views and State Activity]. History Cand. Diss. Cheboksary.
18. Gringmut, V.A. (2008) *Ob "edinyaytes', lyudi russkie!* [Unite, Russian People!]. Moscow: Institute of Russian Civilization.

Сведения об авторе:

Саевская Мария Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва, Россия). E-mail: masha-saevskaya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Saevskaya Maria A. – PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department Fundamental legal and social and humanitarian disciplines Moscow Financial and Industrial University Synergy (Moscow, Russian Federation). E-mail: masha-saevskaya@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 12.07.2022; accepted for publication 01.08.2025